
ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

А.О. БЛОХИНА *

«ФЕРГАНСКИЙ ФАКТОР» И РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ РАЗМЕЖЕВАНИЙ В КИРГИЗИИ

Аннотация. В статье рассматривается влияние «ферганского фактора» на состояние политических и социокультурных границ в Киргизии, дважды за период независимости пережившей насильственную смену власти, а также межэтнические столкновения. Отмечено, что после революции 2010 г. правящие элиты взяли курс на укрепление формальных политических институтов и развитие легальной конкуренции. Представлен анализ эффективности проведенных институциональных реформ в контексте государственного и национального строительства.

Ключевые слова: Киргизия; этнокультурные размежевания; национальное строительство; государственное строительство; политические институты.

A.O. Blokhina

«The Ferghana factor» and the accommodation of ethno-cultural cleavages in Kyrgyzstan

Annotation. The article examines the «Ferghana factor» impact on the consolidation of political and socio-cultural borders in Kyrgyzstan, the only post-Soviet country that has experienced two forceful changes of power and a significant outflow of inter-ethnic clashes. It is stated that after the revolution of 2010 the ruling elites have embarked on strengthening the formal political institutions and development of legal

***Блохина Алена Олеговна**, соискатель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, преподаватель кафедры английского языка № 7 МГИМО МИД России, e-mail: blokhina.alena@gmail.com

Blokhina Alena, Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: blokhina.alena@gmail.com

competition. In this regard the author analyzes the outcome of institutional reforms and their influence on national- and state-building.

Keywords: Kyrgyzstan; ethnic and cultural cleavages; nation-building; state-building; political institutions.

Киргизию, если следовать логике Д. Горовица, можно отнести к разделенным обществам: в ней аскриптивные расколы заметно отражаются на политическом процессе, несколько элитных групп ведут борьбу за центральную власть и существует история межсекторальной вражды [Horowitz, 2014, p. 7]. В результате соперничества между основными клановыми группами республика пережила две революции (в 2005 и в 2010 г.). Политическое регулирование противоречий осложняют значительное совмещение клановых и региональных расколов («север» – «юг»), а также межэтническая напряженность на юге, где проживает абсолютное большинство узбеков страны и где дважды, в 1990 и в 2010 г., вспыхивали беспорядки.

За годы, прошедшие со времени последней, «пасхальной» революции 2010 г., элитам страны удалось найти и реализовать институциональные решения, которые позволили повысить политическую стабильность. Вместе с тем Киргизия, как и Узбекистан, и Таджикистан, является «ферганским» государством, т.е. имеет в своем составе часть Ферганской долины. Многие исследователи считают ее взрывоопасным регионом, где любой социально-политический конфликт угрожает стабильности всей постсоветской Центральной Азии [см., напр.: Артыкбаев, 2014; Crosston, 2013; Малышева, 2010]. Полиэтничность Ферганской долины, наличие этнических анклавов, исламский радикализм, историческая память населяющих ее народов, межгосударственные споры негативно влияют на консолидацию границ всех трех государств. В связи с этим представляется актуальным рассмотреть вопрос о контроле над этнокультурными размежеваниями в Киргизии с учетом влияния «ферганского фактора».

Историческая государственность и советское национальное строительство

Ферганскую долину называют сердцем Центральной Азии и часто выделяют как отдельную геополитическую зону. Производ-

ство шелка и выгодное географическое положение на Великом шелковом пути, благоприятный для земледелия климат обеспечивали там рост городов и развитие торговли. В XVIII–XIX вв. Фергана стала ядром Кокандского ханства, которое в 1876 г. потеряло независимость и вошло в состав Российской империи как часть Туркестанского генерал-губернаторства (Ферганская область). Для Туркестана были характерны слабость центральной власти и разделение населения на множество племен и родов, между которыми не было устойчивых экономических отношений и единства, что вело к многочисленным междоусобным распрям.

После нескольких антироссийских восстаний для укрепления влияния империи было принято решение переселять в регион группы этнических русских и казаков и наделять их землей. В Ферганской долине под руководством русских инженеров были осуществлены ирригационные проекты и развернуто производство хлопка. Новое производство связало регион с имперским центром, а железнодорожная дорога открыла прямое сообщение с границами Афганистана, Персии, Китая и Индии [Rashid, 2002].

Как и в Российской империи, в СССР этническая группа оказалась субъектом политики и государственного права [Маркедонов, 2006, с. 18]. После восстаний басмачей (с 1918 г. главным центром басмачества считалась Фергана) границы Узбекистана, Киргизии и Таджикистана были проложены по долине таким образом, что образовались многочисленные этнические эксклавы. Такое решение было обосновано необходимостью ослабить панисламские и пантюркские движения [Fieglman, 1991, p. 19].

На сегодняшний день отсутствуют сведения о подготовительной работе соответствующих советских органов относительно определения территориальных границ, численного состава и расположения этнических групп, подлежащих объединению в автономные республики и области [Масов, 1988, с. 185]. Национальное строительство в Средней Азии было основано на принципах, чуждых историческому развитию народов, проживающих в регионе [Бартольд, б.г.]. В определенной степени насильственная консолидация в границах одного государства обострила борьбу клановых групп за власть.

В.В. Бартольд приводит примеры географических «противоречий» традиционному укладу: после размежевания административным центром Восточной Бухары стал Душанбе (до 1929 г. Дю-

шанбе), притом что на протяжении веков главным городом здесь был Гиссар, политическая единица древнейшего региона Хорезма была окончательно уничтожена (в 1097–1231 гг. он представлял центр государства Хорезмшахов, которое впоследствии захватил Чингисхан). Несмотря на то что хорезмийский язык и национальность со временем размылись и исчезли, политическое влияние и обособленность Хорезма сохранялись вплоть до начала действий советских властей по разделению региона [Бартольд, б.г.].

В результате советского государственного строительства Узбекистан получил большую часть территории долины с такими крупными историческими центрами, как Андижан, Коканд, Ассак, Куvasай, Намаган и Фергана. Джелалабад, Ош и Узген отошли к Киргизии. Западная часть долины с Исфарой и Канибадамом стала частью Таджикистана (Согдийской области, ранее – Ленинабадской). Границы, как и статус советских республик (союзная – автономная), неоднократно менялись. Противоречивость административно-территориальной и культурной политики Советского Союза, выразившаяся после его распада в несовпадении административно-политических, экономических, этнолингвистических, культурных и прочих границ новых государств, во многом определила будущие проблемы консолидации наций [Кудряшова, Мелешкина, 2009, с. 51].

По данным на 1999 г., около 6,8 млн из 11 млн населения Ферганской долины проживало в Узбекистане, при этом более 700 тыс. узбеков жили в южной Киргизии, 300 тыс. киргизов – в Узбекистане, 1,4 млн узбеков – в Таджикистане [Tabyshalieva, 1999, p. 23]. В результате несовпадения границ одни и те же группы получили либо статус титульной нации на своей территории либо статус меньшинства на территории другого государства. Общественно-политическая активность меньшинств зачастую объясняется подстрекательством к сепаратизму со стороны заинтересованных государств. Помимо этого, в долине насчитывается семь этнических эксклавов. Это киргизское село Барак, окруженное узбекской территорией, и четыре узбекских и два таджикских эксклава в Киргизии [Baker, 2011]. Фактически границы до сих пор до конца «не поделены» и остаются объектом межгосударственных споров.

Также в Ферганской долине проживают казахи, туркменсхетинцы, татары, каракалпаки, уйгуры, украинцы, русские и другие этнические сообщества. Необходимо отметить, что послед-

няя перепись населения в Ферганской долине проходила в 1926 г., но и эта информация не достоверна в полной мере, так как при наличии института титульности и статуса меньшинства респонденты могли сознательно искажать данные о своей этнической принадлежности, чтобы получить доступ к привилегиям титульной группы [Абашин, 2004, с. 26].

Важной социальной характеристикой ферганского региона является его перенаселенность: плотность населения, по одним данным, достигает 450 человек на кв. м [Lubin, Martin, Rubin, 1999, p. 60], по другим – 350 [Данков, 2007, с. 132]. Это вызывает земельный и водный голод. Уровень безработицы в регионе в постсоветский период эксперты оценивают в 80% [Рашид, 2005].

Ослабление, а затем и крах советской власти привели, с одной стороны, к возникновению очагов конфликтности (в частности, в 1989 и 1990 г. произошли два крупных межэтнических столкновения – между узбеками и турками-месхетинцами и между киргизами и узбеками), а с другой – к восстановлению кланово-иерархической системы [Годы, которые изменили Центральную Азию, 2009, с. 103].

Политическое измерение исламской традиции

Страны ферганского кластера исторически имели сильную связь с исламом, и, как свидетельствуют эксперты, «вплоть до 1921 г. местное население Туркестанской республики на вопрос о национальности отвечало: "мусульманин"» [Олимов, 1991]. Советская политика официального атеизма привела к гонениям на религию по всей стране. В 1937–1938 гг. были репрессированы тысячи улемов и имамов, система исламского образования была практически упразднена, хотя по данным переписи 1937 г. абсолютное большинство граждан в регионах с мусульманским населением оставались верующими. Только с началом Великой Отечественной войны отношение власти к религии и религиозным организациям стало меняться. В частности, в 1943 г. было учреждено Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ), и в республиках появился «официальный ислам». В каждой из них было создано представительство САДУМ с казиями (старейшинами) [Образование ДУМ Средней Азии]. На народном уровне свои

позиции удерживал суфизм; мусульманские общины региона, ориентировавшиеся по традиции на своих шейхов, были децентрализованы и слабо связаны между собой.

Кроме того, в Ферганской долине, с ее традиционными духовными центрами, нелегально обучали «истинному» (неофициальному) исламу, что формировало базу для появления религиозной и политической оппозиции. С приближением распада СССР, когда начался общесоюзный процесс религиозного возрождения, в регионе появились исламские политические (исламистские) организации. Особенности ислама как религиозной системы [см.: Кудряшова, 2012, с. 158] способствовали взаимовлиянию религии и политики. Все основные формы политического присутствия ислама, на которые обращают внимание исследователи, проявились и в молодых центральноазиатских государствах (выступления мусульман, бросающих вызов «несправедливым правителям»; использование ислама государством в целях легитимации власти и консолидации общества; обращение к исламу в различных конфликтах для артикуляции интересов и идентичности групп) [Кудряшова, 2003, с. 89–91].

Среди основных факторов роста радикальных настроений исследователи называют сложную экономическую и социально-политическую ситуацию и соседство нестабильных стран [Абишева, Шаймергенов, 2006, с. 53]; саму радикализацию ислама они связывают с религиозными репрессиями и запретами, разрушением системы религиозного просвещения населения [Хаким, 2005, с. 33]. В 1990 г. представители мусульманских активистов Средней Азии участвовали в создании всесоюзной Исламской партии возрождения, которая после 1991 г. трансформировалась в Таджикистане в Партию исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) (позднее она стала единственной легальной исламской политической партией на постсоветском пространстве).

В 1991 г. в самом центре Ферганской долины, в Намангане, зародилось движение за мусульманское самоуправление под руководством Т. Юлдашева, которое привело к формированию ряда исламистских организаций и параллельных властных структур. В 1996 г. Юлдашев и Дж. Намангани организовали Исламское движение Узбекистана (ИДУ), выступавшее за создание исламского государства на территории Ферганской долины. В 1999 г. Юлдашев руководил вторжением боевиков с территории Афганистана

через Таджикистан в Баткенскую область Киргизии, намереваясь пройти в Узбекистан.

Еще одна радикальная религиозная группировка в регионе – «Хизб-ут-Тахрир» (Партия освобождения) сосредоточивает свою деятельность в основном на Узбекистане, но также действует на территории Киргизии и Таджикистана. Она имеет транснациональный характер и нацелена на осуществление всемирной исламской революции и создание халифата. В 2005 г. в Андижане произошло крупное выступление исламистского движения «Акромия», которое было подавлено силовыми методами. Проект создания «нового халифата» в Фергане подпитывают исторический опыт государственности и объективные трудности национального строительства. Как отмечают эксперты, буквализация священного, когда символ «уже не передает священного опыта, но сам становится опытом», позволяет подчинить священный текст различным политическим целям [Международная безопасность и проблемы терроризма, с. 59].

Существование социальной базы для подобных движений (в конце 1990-х годов, по мнению З. Тодуа, молитвы в отдельных мечетях Ферганской долины скорее напоминали политические собрания с обсуждением острых социальных проблем – клановости, коррупции, бедности [Тодуа, 2002]) предполагает их долговременность, а конфликты на Ближнем Востоке и в Афганистане усиливают радикальные настроения у части мусульман. ИДУ уже объявило о том, что присоединяется к запрещенной в РФ террористической организации «Исламское государство» [СНБ Узбекистана... 2015].

Этнокультурные размежевания в Киргизии

По официальным данным, киргизы составляют 72,8% населения страны (общее число жителей около 5,9 млн человек), узбеки – 14,5, русские – 6,2 (2015 г.) [Численность населения Кыргызской Республики]. Большая часть славянского населения сосредоточена в Бишкеке и Чуйской области (18–20% от общего числа жителей), узбекского – в Оше, Ошской, Джалал-Абадской и Баткенской областях (соответственно 43,7, 28,5, 25 и 14,7%) (2014 г.) [подсчитано по: Демографический ежегодник Кыргызской Республики, б.г. с. 101].

Определяющую роль в политической борьбе элитных групп играет клановая принадлежность. Жители страны традиционно

причисляют себя к одной из трех клановых групп, называемых «крыльями» [Годы, которые изменили Центральную Азию, 2009, с. 102]: правое крыло – «онг», левое крыло – «сол» и группировка «ичкилик», которая объединяет кланы кипчакского происхождения [Сариев, 2010]. Исторически северные и западные кланы складываются в левое крыло «сол», объединяя семь кланов. По мнению экспертов, историю Киргизии можно проследить по периодам правления кланов: например, клан бугу управлял в первые годы советского периода, после сталинских чисток 1930 г. ведущую роль перехватил другой северный клан – сары багыш, из которого впоследствии вышла команда Акаева и он сам [Годы, которые изменили Центральную Азию, 2009, с. 103]. Правое крыло «онг» замыкается на одном клане – адыгине, происходящем из южной части страны. Ичкилик также имеет сильную поддержку на юге.

Клановые расколы в значительной степени дополнены региональными различиями. Нахождение органов власти и крупных промышленных предприятий в Бишкеке делает его политическим и экономическим ядром, в то время как Ош, второй по величине город страны, ее «южная столица», испытывает значительные экономические трудности. Так, доли Бишкека, Чуйской области, Ошской области и города Ош в «промышленной части» ВВП достигали, соответственно, 37, 16, 9 и 3%. При национальном уровне бедности в 33,7% этот показатель для Бишкека составлял 8%, а для Ошской области – 42% [Regional socio-economic disparities... 2011]. Во многом это обусловлено тем, что киргизско-узбекская государственная граница отрезала от Оша его «внутренние районы», нарушив сложившиеся торгово-экономические связи.

Устойчивость клановых связей объясняется тем, что при слабых официальных институтах неформальные связи и договоренности на клановой основе представляют единственным доступным средством политической и социально-экономической коммуникации, что снижает транзакционные издержки при отсутствии стабильных ожиданий [Jonson, 2006, p. 131]. С другой стороны, политизация примордиальных идентичностей затрудняет достижение компромиссов.

Рассредоточение политизированных клановых группировок свидетельствует о том, что властный центр остается неконсолидированным. Смена представителей кланов во власти прямо отражается на политической стабильности. Например, в 2002 г. А. Бекназаров, в

то время председатель парламентского Комитета по судебным вопросам и законности, был арестован после критических замечаний в сторону власти. Его арест вызвал волну протестов в Джалал-Абадской области. Политическим результатом стала отставка правительства по решению тогдашнего президента А. Акаева.

В 2005 г. формальным поводом для «тюльпановой» революции стало недовольство оппозиции результатами выборов в парламент (Жогорку Кенеш) по нескольким одномандатным округам. После объявления результатов второго тура беспорядки охватили всю страну. На юге (в Ошской и Джалал-Абадской областях) стали возникать «народные советы». В этих условиях южанин К. Бакиев, занимавший в 2000–2002 гг. и в 2005 г. пост премьер-министра, был назначен исполняющим обязанности президента и премьера, а затем избран президентом Киргизии, набрав около 90% голосов.

Постоянное внесение Бакиевым поправок в Конституцию для расширения президентских полномочий, а также невыполнение обещаний, данных во время «тюльпановой» революции, привели к очередному витку общественно-политического недовольства. На парламентских выборах в 2007 г., в ходе которых были зафиксированы серьезные нарушения, пропрезидентская партия «Ак Жол» получила полный контроль над законодательной властью. Оппозиционные партии оказались не представленными. В 2009 г. Бакиев получил на выборах 76% голосов и вновь заняв кресло президента.

В 2010 г. сложная социально-экономическая обстановка, недовольство семейственностью, nepoтизмом и коррупцией во власти, а также арестами ряда оппозиционных лидеров привели к массовым протестам, вооруженным столкновениям и в итоге к «пасхальной» революции. Беспорядки и вакуум власти спровоцировали новое обострение этнополитических противоречий, закончившееся кровавым конфликтом между узбеками и киргизами, прежде всего сторонниками Бакиева, в Джалал-Абадской области [см.: Rezvani, 2013, p. 68–69].

После второй революции правительство попыталось ослабить проявления межклановой борьбы и противоречия между этническими сегментами. Парламент рассмотрел и принял к действию новый рамочный документ по управлению этническим многообразием Киргизии при поддержке ОБСЕ [ОБСЕ оказывает содействие... 2011]. Помимо создания специального отдела межэтнического развития и религиозной политики в рамках аппарата

президента правительство озаботилось консолидацией общества: проект документа об укреплении национального единства был подготовлен с участием депутатов парламента и представителей общественных организаций и принят в 2013 г. под названием «Концепция укрепления единства народа и межэтнических отношений в Кыргызской Республике». Концепция сосредотачивает внимание на гражданском и политическом участии, языковой политике, поликультурном и полиязычном образовании, СМИ, а также на управлении межэтническими отношениями на уровне местных сообществ. В конце 2013 г. Совету Ассамблеи народа Кыргызстана, в которую входят различные общественные объединения, был придан статус консультативно-совещательного органа по взаимодействию государственных органов и этнокультурных центров в вопросах укрепления народного единства. В 2013–2014 гг. были изданы президентские указы по развитию государственного языка. Узбекский язык официального статуса не имеет.

В соответствии с новой конституцией (2010) в Кыргызской Республике принята премьер-президентская система, в которой законодательную власть осуществляет однопалатный 120-местный Жогорку Кенеш. Премьер-министра номинирует партия (или коалиция), получившая 50% мест в парламенте. Ни одна партия не может, однако, получить в нем более 65 мандатов [Конституция Кыргызской Республики, 2010].

Парламент также принял поправки в Кодекс о выборах: «О выборах в органы местного самоуправления» и «Об избирательных комиссиях по проведению выборов и референдумов». Нововведениями стали система составления списков избирателей и возможность голосовать на любом избирательном участке вне зависимости от места прописки. Предусмотрены система предварительного ознакомления со списками и новая форма выпусков бюллетеней. В контексте контроля над этнокультурными расколами особенно важны следующие нововведения:

- кандидаты в президенты должны пройти специальную комиссию на знание государственного языка;
- увеличение представительства в парламенте граждан, представляющих различные этнические группы, до 30% (ранее 15%) [Кодекс Кыргызской Республики о выборах в Кыргызской Республике, 1999].

В конституции также прописано, что запрещаются «создание политических партий на религиозной, этнической основе, преследование религиозными объединениями политических целей» (ст. 4, п. 3). Для прохода в парламент установлен не только республиканский порог (7%), но и региональный (0,7%).

По результатам парламентских выборов 2010 г. правящая парламентская коалиция включала Социал-демократическую партию (СДПК) (26 мандатов), «Ар-Намыс» (25) и «Ата-Мекен» (28). В оппозиции находились партии «Ата-Журт» (18 мандатов) и «Республика» (23). В октябре 2014 г. произошло объединение двух оппозиционных партий. Новая структура получила название «Республика – Ата-Журт», в 2015 г. в нее вошла партия «За реформы». Лидером СДПК выступает действующий президент А. Атамбаев.

Анализ программ и позиций партий в регионах позволяет заключить, что законодательная власть в стране относительно диверсифицирована, однако только «Республика» концентрировала внимание на необходимости преодоления кланового формата политики. Преобладающее влияние партии имеют в основном либо на севере, либо на юге.

На момент написания статьи в Киргизии проходили очередные парламентские выборы (октябрь 2015 г.). Избирательная система осталась пропорциональной, голосование проводилось по закрытым партийным спискам в едином избирательном округе с двойным (см. выше) порогом [Промежуточный отчет, 2015]. ЦИК Киргизии зарегистрировал списки кандидатов 14 партий, состав которых соответствует требованиям о гендерной (не менее 30% женщин) и этнической квотах. Нововведением на предстоящих выборах стала биометрическая регистрация населения для снижения возможности манипуляций. По результатам выборов избирательный порог преодолели шесть партий: три прежних – СДПК (38 мандатов), «Республика – Ата-Журт» (28), «Ата-Мекен» (11) и три новых – «Кыргызстан» (18), «Онугуу-Прогресс» (13), «Бир-Бол» (12). Вариант списочного пропорционального представительства оказался оптимальным для политических реалий Киргизии. Преимущество системы заключается в увеличении возможности для этнокультурных групп быть представленными в парламенте за счет сбалансированных списков кандидатов. Неформальное закрепление кандидатов за участками позволяет преодолевать такую

серьезную проблему республики, как разрыв связи между избирателями и депутатами.

Заключение

После революции 2010 г. правящие элиты Киргизии признали проблему этнокультурных расколов и продемонстрировали наличие политической воли, чтобы разработать и принять документы, направленные на предотвращение очередных межклановых и межэтнических конфликтов. Премьер-президентская система (такие системы менее подвержены кризисам, вызванным противостоянием законодательной и исполнительной ветвей власти [Харитонова, 2012, с. 207]), пропорциональная избирательная система с национальным и региональным порогами для партий, достаточно высокий избирательный порог, стимулирующий укрупнение партий, гендерные и этнические квоты в списках кандидатов способствуют политической консолидации общества. В политическом процессе не наблюдается однопартийное доминирование, но партии продолжают ориентироваться не на программы, а на лидеров. Курс на развитие киргизского языка и культуры (при статусе русского языка как официального и отсутствии статуса узбекского языка) можно рассматривать как гражданско-территориальный подход к национальному строительству с подключением этнокультурных меньшинств к общенациональным партиям через выделенные квоты.

Многие социально-экономические проблемы Киргизии (и через них – политические) способно решить ее участие в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). Это касается и модернизации экономики, и решения энергетической проблемы, и упорядочения трудовой миграции, и делимитации и демаркации границ с Таджикистаном и Узбекистаном.

Список литературы

- Абашин С.Н. Население Ферганской долины (К становлению этнографической номенклатуры в конце XIX – начале XX века) // Ферганская долина: Этничность, этнические процессы, этнические конфликты / Отв. ред. С.Н. Абашин, В.И. Бушков. – М.: Наука, 2004. – С. 38–101.

- Абишева М., Шаймергенов Т. Религиозно-политический экстремизм в странах Центральной Азии: анализ причин распространения // Центральная Азия и Кавказ. – Лулео, 2006. – № 6. – С. 50–64.
- Артыкбаев А.М. Геополитические процессы в Центральной Азии в эпоху глобализации. – Saarbrücken: LAP Lambert academic publishing, 2014. – 136 с.
- Бартольд В.В. Записка по вопросу об исторических взаимоотношениях турецких и иранских народностей Средней Азии. – Архив РАН, ф. 68. оп. 1, ед. хр. 85.
- Годы, которые изменили Центральную Азию / Центр стратегических и политических исследований Института востоковедения РАН. – М., 2009. – 332 с. – Режим доступа: http://old.ivran.ru/attachments/122_central_asia_2009.pdf (Дата посещения: 12.09.2015.)
- Данков А. Ферганская долина: Проблемы обеспечения экономической стабильности // Центральная Азия и Кавказ. – Лулео, 2007. – № 2 (50). – С. 130–142.
- Демографический ежегодник Кыргызской Республики, 2009–2013. – Бишкек: Нацстатком Кырг. Респ., 2014. – 320 с. – Режим доступа: <http://www.stat.kg/media/publicationarchive/81ef7693-ab21-4b1d-b189-32679e693e15.pdf> (Дата посещения: 22.09.2015.)
- Кодекс Кыргызской Республики о выборах в Кыргызской Республике. – Бишкек, 1999. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/7?cl=ru-ru> (Дата посещения: 07.09.2015.)
- Конституция Кыргызской Республики. – Бишкек, 2010. – Режим доступа: <http://www.president.kg/ru/konstitutsija/> (Дата посещения: 03.09.2015.)
- Кудряшова И.В. Исламская цивилизационная доминанта и современное развитие мусульманских полities // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2003. – № 2. – С. 87–117.
- Кудряшова И.В. Политические изменения и трансформация идентичности в странах мусульманского Востока // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. – Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / Отв. ред. И.С. Семененко. – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 155–184.
- Кудряшова И.В., Мелешикина Е.Ю. Этнические меньшинства и национальное строительство на постсоветском пространстве: к постановке исследовательской проблемы // Вестник МГИМО-Университета. – М., 2009. – № 2(5). – С. 45–55.
- Маркедонов С. Defacto государства постсоветского пространства // Научные тетради института Восточной Европы. – М., 2006. – Вып. 1: Непризнанные государства. – С. 13–27.
- Мальшева Д.Б. Центральноазиатский узел мировой политики / РАН. ИМЭМО. – М., 2010. – 100 с.
- Масов Р.М. История исторической науки и историография социалистического строительства в Таджикистане. – Душанбе: Дониш, 1988. – 318 с.
- Международная безопасность и проблемы терроризма: Учеб. пособие / Отв. ред. А.Г. Володин, В.Н. Коновалов. – Ростов н/Д; М.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. – 144 с.
- Образование ДУМ Средней Азии (САДУМ) / ИД «Медина». – Нижний Новгород, 2009. – 30 марта. – Режим доступа: <http://www.idmedina.ru/ussr/?1113> (Дата посещения: 03.09.2015.)

- Промежуточный отчет, 25 августа – 14 сентября 2015 / Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ. – 2015. – Режим доступа: <http://www.osce.org/ru/odihr/elections/kyrgyzstan/183071?download=true> (Дата посещения: 26.09.2015.)
- Олимов М.В. В. Бартольд о национальном размежевании в Средней Азии // Восток. – М., 1991. – № 5. – С. 97–110.
- ОБСЕ оказывает содействие разработке национальной стратегии по межэтническим отношениям Кыргызстана / ОБСЕ. – 2011. – 28 марта. – Режим доступа: <http://www.osce.org/ru/bishkek/76225> (Дата посещения: 10.09.2015.)
- Рашид А. ИДУ постепенно развивается в движение, охватывающее всю Среднюю Азию // Eurasianet.org. – 2015. – 6 января. – Режим доступа: <http://russian.eurasianet.org/departments/insight/articles/eav040901ru.shtml> (Дата посещения: 07.09.2015.)
- Сариев М. Киргизия: Род или племя? // Русский репортер. – М., 2010. – № 14. – Режим доступа: http://www.rusrep.ru/2010/14/qa_sariev/ (Дата посещения: 12.09.2015.)
- СНБ Узбекистана: Присоединиться к ИГИЛ «Исламское движение Узбекистана» вынудили финансовые проблемы // ИА Regnum. – Ташкент, 2015. – 19 февраля. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1897424.html> (Дата посещения: 23.08.2015.)
- Тодуа З.Б. Исламская оппозиция в Узбекистане до и после начала антитеррористической операции в Афганистане // Институт социальных систем МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2002. – Апрель. – Режим доступа: http://niiss.ru/s_doc1_todua6.shtml (Дата посещения: 26.08.2015.)
- Хаким А. Особенности религиозного мышления в Центральной Азии: необходимость комплексной модернизации // Центральная Азия и Кавказ. – Лулео, 2005. – № 1. – С. 30–40.
- Харитоновна О.Г. Президентство и демократия: Состояние дискуссии // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – № 3. – С. 199–213.
- Численность населения Кыргызской Республики по национальностям, 2009–2015 гг. / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – Режим доступа: <http://www.stat.kg/ru/statistics/naselenie/> (Дата посещения: 28.09.2015.)
- Baker N. The Ferghana Valley: A Soviet legacy faced with climate change: Type of habitat // ICE case studies. – 2011. – N 252, December. – Mode of access: <http://www1.american.edu/ted/ICE/ferghana.html> (Дата посещения: 02.09.2015.)
- Crosston M. Fostering fundamentalism: Terrorism, democracy and American engagement in Central Asia. – Aldershot: Ashgate publishing, 2013. – 194 p.
- Fierman W. The Soviet ‘transformation’ of Central Asia // Soviet Central Asia: The failed transformation / Ed. W. Fierman. – Boulder, CO: Westview press, 1991. – P. 11–35.
- Horowitz D. Ethnic power-sharing: Three big problems // Journal of democracy. – Baltimore, MD, 2014. – Vol. 25, N 2. – P. 5–20.
- Jonson L. Tajikistan in the new Central Asia: geopolitics, great power rivalry and radical Islam. – L.: I.B. Tauris, 2006. – 252 p.
- Lubin N., Martin K., Rubin B. Calming the Ferghana Valley: Development and dialogue in the heart of Central Asia. – N.Y.: The Century foundation press, 1999. – 196 p.

- Rashid A.* They're only sleeping // The New Yorker. – N.Y., 2012. – Vol. 77, January 14. – P. 34–42.
- Regional socio-economic disparities in Kyrgyzstan: Are they shrinking? // UNDP in Europe and Central Asia. – Bishkek, 2011. – 9 p. – Mode of access: [http:// euro-peandcis.undp.org/uploads/public1/files/vulnerability/Data%20bases/Fast%20facts/Kyrgyzstan%20regional%20fast%20facts_5_12_2011.pdf](http://euro-peandcis.undp.org/uploads/public1/files/vulnerability/Data%20bases/Fast%20facts/Kyrgyzstan%20regional%20fast%20facts_5_12_2011.pdf) (Дата посещения: 20.03.2013.)
- Rezvani B.* Understanding and explaining the Kyrgyz–Uzbek interethnic conflict in Southern Kyrgyzstan // Anthropology of the Middle East. – N.Y., 2013. – Vol. 8, N 2. – P. 60–81.
- Tabyshalieva A.* The challenge of regional cooperation in Central Asia. – Washington, DC: U.S. Institute of peace, 1999. – 48 p.